

Часть первая

Глава 1

Небо чистое, в нем сверкает раскаленное солнце, камни на пляже нагрелись, обжигают босые ноги, но курортников это не останавливает. Они идут к прохладной воде, мимо знойных красоток в смелых купальниках. Игнат с удовольствием бы сейчас искупался, но нельзя, служба у него. Хотя до моря всего ничего, всего-то триста-четырееста метров от здания поселковой милиции. Впрочем, от дома еще ближе, а скоро перерыв на обед, у него еще будет возможность окунуться. Сейчас же его охлаждает кондиционер в кабинете. И ситуация относительного спокойствия. Закон и порядок на подконтрольной территории, кражи раскрываются, бесчинства пресекаются, а убийств давно уже нет. Зимой, в начале года, зарезали одного, была ссора на бытовой почве. А так спокойно все.

В дверь постучали, в кабинет втиснулся грузный широколицый мужчина с крупным носом и тяжелым, но дряблым подбородком.

— Можно? — расправляя плечи, спросил он.

Игнат кивнул. Оперативный дежурный уже звонил, сказал, что на прием к начальнику поселкового отделения милиции просится некто Квитко Роман Павлович.

— Хочу сделать заявление! — Мужчина, напускающая на себя важность, посуровел.

— Правительственное? — спросил Игнат, указывая на стул за приставным столом.

— Почему правительственное?

Игнат не стал озвучивать то, что думал.

— Я вас внимательно слушаю!

Квитко выдвинул стул из-за приставного стола, но не так далеко, как надо бы, стал садиться, а тело грузное, большое, не вместилось между этими двумя предметами мебели, и сдвинулся не стул, а стол, лежащая на нем кипа бумаг угрожающе накренилась, мужчина потянулся за ней. В итоге на полу оказались и стул, и документы. Мог упасть и графин с водой, но Игнат поймал его за горлышко.

— Извините! — растерянно пробормотал посетитель.

— Поднимите стул, сядьте и успокойтесь.

Игнат собрал бумаги, положил их себе на стол. Налил в стакан воды, подал мужчине:

— Выпейте.

Квитко пил жадно, причмокивая, наконец, осушил стакан, поставил его на стол, шумно выдохнул и внешней стороной ладони вытер губы. А затем и вспотевший лоб.

— А теперь как на духу! Что у вас произошло?

— Признаться хочу!

— В чем?

— Ну, занятие кустарно-ремесленным промыслом, — выдавил из себя мужчина.

От нервного напряжения на его лбу снова выступили крупные капли пота.

— И что вы производите?

— Шлепки резиновые, вьетнамки, тапочки...

— Налоги платите?

— Нет... Но собираюсь!

— К уголовной или административной ответственности привлекались?

— Пока нет. Но хотелось бы!..

— Хотелось бы? — Игнат удивленно повел бровью.

— Хотелось бы административно!

— Если не привлекались, на первый раз обойдемся устным предупреждением. Регистрируйте свой кооператив и вперед, к труду на благо страны!

— Так закрывают нас! — вздохнул Квитко.

— Кто закрывает?

— Ну не то чтобы закрывают... — замялся мужчина. — Перед выбором поставили, или платить, или закрываться.

— Кто поставил?

— Я бы не хотел говорить...

— Уголовники?

— Ну вот, вы и сами все знаете, — повеселел Квитко.

— Знаете, почему волков называют санитарами леса?

— Знаю.

— И среди людей есть волки, которые пожирают слабых, тех, кто отбился от стаи. Вы вот отбились от стаи, незаконное производство наладили, доходы свои скрываете. Воры это знают. Знают, что вы не обратитесь в милицию, потому что рыльце в пушку. Знают, стригут с вас шерсть, — невесело усмехнулся Игнат.

— Но я же обратился в милицию. — Квитко настороженно посмотрел на него.

— Очень хорошо. Сейчас напишете заявление, и мы сразу же примем меры.

— А без заявления никак нельзя?

— Без заявления мы не сможем возбудить уголовное дело. Не сможем привлечь к ответственности ваших обидчиков.

— А с заявлением?

— С заявлением привлечем их обязательно.

В этом вы можете не сомневаться.

Четвертый год пошел, как Игнат возглавил поселковое отделение. Тяжело пришлось, но распоясавшуюся банду Баштана он в стойло все-таки загнал. Уголовники по-прежнему крышуют местный бизнес, но только тех, кто добровольно отказался от защиты закона, таких как гражданин Квитко. Открывают подпольно-кустарные производства, думают, умнее всех, а нет, подъезжает братва и ставит перед выбором — или платить, или дом сгорит, и это в лучшем случае. Квитко выбрал первое, но, видимо, баштановские урки так пережали пружину, что несчастный решился

на отчаянный шаг. И правильно, кстати сказать, сделал.

— Ну так всех же не привлечете, — вздохнул потерпевший.

— Скажу прямо, вашу безопасность я гарантировать не смогу. — Игнат посмотрел ему в глаза. — Но сделаю все, что в моих силах, все, что возможно, чтобы ее обеспечить. Это я вам гарантирую!

— Все, что возможно... — Квитко с разочарованным видом поскреб затылок.

— Поймите, Роман Павлович, ваша судьба в ваших руках. Только от вас зависит, сможем ли мы противостоять уголовному беспределу. Вы пишете заявление, мы сажаем вымогателя. За вами напишет кто-то другой, мы посадим его сообщника. Третий напишет, четвертый... А на пятом все и закончится. Сажать будет некого.

— И много уже таких заявлений написали?

— По вашему случаю вы третий.

— Двоих уже посадили?

— Трех. Двоих по первому делу, одного по второму. — Игнат говорил уверенно, голос его звучал твердо. Потому что говорил он правду.

Увы, но местные предприниматели не особо полагались на защиту закона, предпочитая оставаться в тени под «крышей» двуногих волков. Но иногда люди прозревали, за последний год поступило целых четыре заявления, по всем возбудили уголовные дела, правда, до суда довели только половину. Два предпринимателя забрали свои заявления, один сразу, другой через месяц, но бан-

дитов по этим делам задерживали, профилактику, можно сказать, проводили. Теневой бизнес уже почувствовал силу государства, именно поэтому Квитко сейчас здесь.

— Ну, я не знаю.

— И никто из заявителей не пострадал. Все живы, здоровы.

Одному предпринимателю, правда, сломали челюсть, у другого изнасиловали жену, третьему сожгли машину. Но ведь все остались живы, так что Игнат не особо кривил душой. Тем более что поджигателя вычислили, привлекли к ответственности. Досталось и насильнику, арестовали и отправили по этапу.

— Ну, я слышал, что было что-то, — мялся Квитко.

— Никто не заставляет вас писать заявление, — пожал плечами Игнат. — Не хотите — не надо. Идите домой, регистрируйте предприятие и работайте дальше. И уголовникам платить будете, и государству.

— И государству? — задумался потерпевший.

— Ну вы же не думаете, что и дальше будете работать так же незаконно?

— Так нас же закрывать собираются. — Квитко озадаченно поскреб за ухом.

— А это не наши заботы.

— А если убьют?

— Тогда и приходите.

— Ну и шуточки у вас!

— С законом не шутят, гражданин Квитко!

Игнат не угрожал, но, сурово глядя на потерпевшего, строго предупреждал. Перед законом все равны, во всяком случае, Игнат сделает все от него зависящее, чтобы в поселке Морячок эта истина работала.

* * *

Вечер, солнце зашло, забрав в собой полуденный зной, а морской бриз принес легкую прохладу. В это время в кафе «Афродита» веселье в самом разгаре. Все столики заняты, официантки сбиваются с ног, на сцене музыканты, на мангале — шашлыки.

Хорошее кафе, свободные места здесь бывают только днем, да и то не всегда. Название незатейливое, если не знать, почему оно так называется. Игнат, было дело, чуть не поперхнулся, узнав, что Евгения Максимовна назвала кафе в честь его жены и своей дочери, которую уподобила древнегреческой богине любви и красоты.

Евгения Максимовна еще та штучка, сорок с капелькой лет, а энергии в ней столько, ни одному молодому не угнаться. Представился шанс открыть кафе на берегу моря, схватилась за него не раздумывая, и вот уже второй год «Афродита» — чуть ли не гордость поселка. Игнат здесь желанный гость. Даже если он один, без жены, свободный столик для него всегда найдется. Евгения Максимовна, конечно, спросит, почему он без Лены, но только взглядом. Действительно, зачем спрашивать вслух, когда и так ясно, что с посторонней

женщиной зять сюда прийти не мог? Нет у него никого на стороне, а если вдруг, то есть в поселке и другие места для интимных свиданий.

А сейчас Евгения Максимовна ни о чем не спрашивала, ни взглядом, ни словом. Не успела она еще узнать о его внезапном появлении, а Игнат уже собрался уходить... с добычей, в которую еще только предстояло вгрызться зубами.

Алик Тюльпан и Миша Клеш отдохали в обществе двух девушек. Классическая пара: смазливая блондинка и ее некрасивая подруга. Тюльпан обхаживал красотку, смотрел только на нее, ничего не замечая вокруг, а Клеш кривил губы, пренебрежительно поглядывая на толстуху. И курил он, гоняя сигарету из одного уголка рта к другому. Но и взгляд его также блуждал из стороны в сторону, нет-нет да останавливаясь то на блондинке, то на ее подруге. Капитана Жукова Клеш заметил раньше, чем его дружок, но лишь слегка насторожился, даже поджилки не напряг, чтобы бежать. Мало того, раскинув руки, развалился в кресле. Лоб у него узкий, что, конечно же, сказывалось на широте мышления. Простейший ум, примитивные потребности, первобытные, но очень опасные инстинкты. Сегодня у него на повестке нажраться, спариться-случиться, а если с бабой не сложится, то хотя бы подраться. А если вдруг менты нагрянут, или бежать, или отбиваться. А времена нынче недобрые, раньше братва чуть что за нож хваталась, а сейчас у многих «волыны». Особенно у таких «быков», как Тюльпан и Клеш.

— А-а, начальник! — скривился уголовник.

— Мороз-воевода дозором? — хмыкнул Тюльпан, оторвав наконец взгляд от своей блондинки.

И он, и Клеш, и все знали, чье это кафе. Хотел Игнат того или нет, но одно только его имя оказывало покровительство «Афродите». Он не считал кафе своим владением, но не зря Тюльпан вспомнил Некрасова. Умник. Десятилетку как-никак осилил, последние два года в зоне для несовершеннолетних.

— Грамотный?

— Дык! — Тюльпан нахмурился, заметив старшину Савушкина, который тихонько заходил справа, перекрывая пути отступления.

Веранда открытая, сбежать нетрудно, но кафе окружено со всех сторон, шансов у рэкетиров мало.

— Давайте спокойно, без фокусов. — Игнат положил на стол две пары наручников.

— Эй, это что такое? — вскинулся Клеш.

Он оторвал спину от кресла, напряг ноги в коленях.

— Мы тут что, кому-то мешаем? — спросил Тюльпан.

Он усиленно осматривал пространство вокруг себя и еще больше напрягся, заметив лейтенанта Чабанова. Понял, что со всех сторон обложили. И дело вовсе не в том, что он с корешем выбрал не то кафе.

— Спокойно одеваемся и на выход!

Игнат говорил громко, но без надрыва, как человек, уверенный в себе.

— Одеваемся? — Клеш двумя пальцами оторвал от стола пару наручников и тут же выронил. — Это называется одеваться? — спросил он.

И вдруг резко сорвался с места, собираясь идти на прорыв. Ногой оттолкнул кресло, локтем ударил толстуху и всей своей массой навалился на Игната, руками, как ковшом бульдозера, попытался сдвинуть его с места. Но просчитался.

Игнат был готов к такому выпадку. Он мог заломать уголовника, закрутив ему руку за спину. Но это время, а на очереди Тюльпан, который также вскочил с места, выхватывая что-то из-за пояса. Игнат, закрыв руками лицо, грудь и живот, встретил противника локтем, врубил его в «солнышко». От боли Клеш согнулся в поясе, но добивать его Игнат не стал. Схватился за стол, собираясь его перевернуть. Так он и защищался от Тюльпана, в руке у которого появился «наган», и одновременно сближался с ним. Но стол так и остался на месте, потому что Тюльпаном занялся старшина Замков.

Коля с уркой не церемонился, с ходу рубанул его по шейным позвонкам рукоятью пистолета. Тюльпан вырубился мгновенно. А Игнат дожал Клеша. Скрутил его, надел наручники.

Толстуха куда-то делась, осталась только блондинка, девушка возмущенно хлопала глазами, глядя, как пакуют Тюльпана. Игнат сердито глянул на нее и с многозначительным видом качнул головой. Не того парня она выбрала, но говорить ей об этом совсем не обязательно: сама все понимает. Видел

он эту красотку, мимо, что называется, проходила. Волговодск поселок небольшой, все местные на виду. Но с блатными блондинка до недавнего времени не путалась, в криминальных эпизодах не фигурировала, приводов не имела, поэтому имя ее неизвестно. Да и не хотел Игнат его знать. Пусть идет домой. Но если вдруг снова засветится, придется задержать — для более детального знакомства.

Задержанных уже загружали в машину, когда появилась Евгения Максимовна. Она выходила из подсобки, поправляя на ходу прическу. Волосы вроде бы уложены, так, слегка подправить, и все, но вид у женщины все равно взлохмаченный. И глаза блестят, как у сытой довольной кошки, в движениях приятная разморенность.

Сорок лет ей, но выглядит так, парни оборачиваются. Изысканно-красивая, стройная, модная. Так должна была примерно выглядеть и ее дочь в свои сорок, но Лене всего двадцать три, а весит она уже раза в полтора больше, чем мать. Что-то разносить ее стало после родов, впрочем, от этого она менее привлекательной не стала.

— Что это такое? — спросила Евгения Максимовна, глядя, как Савушкин закрывает зарешеченный отсек «уазика».

— Трудовые будни!

— Вроде тихо было.

— И я вас не слышал! — усмехнулся Игнат.

Интересная она женщина, Евгения Максимовна, мужчинам она всегда нравилась, но личная

жизнь не складывалась. С одним сошлась, с другим, от одного остался сын, от другого — дочь, а замужем она так и не побывала. Не сказать, что Евгения Максимовна вела беспорядочный образ жизни, но с блатными романы водила и даже со своим соседом старшиной Самойленко путалась. А однажды даже сыграла в партии против Игната, его тогда чуть не убили... Но все это осталось в прошлом, в настоящем реальность пусть и не близко, но все же похожая на идиллию. И у него все хорошо в личной жизни, и Евгения Максимовна вышла замуж — за своего шашлычника Анастаса. Мужик нормальный, понтийский грек, спокойный, уравновешенный, рассудительный. И без дешевых понтов. Евгения Максимовна второй год с ним, а все как будто только-только замуж вышла. До сих пор их отношения в стадии кипения, нет-нет да и выпустят пар в подсобке. Само собой, Игнат относится к этому с пониманием, и если шутит, то без всякой задней мысли.

— Да ну тебя! — Евгения Максимовна по-своему толкнула его в плечо.

Задержанных доставили в участок, распределили по камерам. На этом пока все. Заявление о вымогательстве подано официально, уголовное дело возбуждено, фигуранты установлены и задержаны, завтра подъедет следователь прокуратуры и предъявит обвинение. А до завтра Тюльпан и Клеш пусть мучаются в догадках. Если так ничего и не поймут, «маляву» на волю отправлять не станут. А они могут. Игнат держал своих

подчиненных в тонусе, расслабляться никому не позволяя, но информация, она такая текучая, а где-нибудь, да разгерметизируется.

* * *

Мороз-воевода дозором обходит владенья свои. Хорошо сказал ученик спецшколы, только вот не помогло ему это. И Тюльпан, и Клеш уже в следственном изоляторе. А Игнат обходит владенья свои. Только вот не воевода он, а начальник поселкового отделения милиции. И не морозные у него владения, а знойные. Полуденная жара, утомленные солнцем курортники разморенно бредут с пляжа, расплзаясь по столовым, кемпингам, базам отдыха. А Игнат по тому же Курортному проспекту, но им навстречу, к пляжу. На улице Кочубея свернул вправо, осталось пройти мимо базы отдыха, студенческого оздоровительно-спортивного лагеря, к мосту, за которым начиналась Виноградная улица, где он и жил. Всего десять-пятнадцать минут пешком от участка. Если быстро идти — десять, если не торопясь — больше. А Игнат все время смотрел по сторонам. И за порядком следил — на подведомственной территории, и о собственной безопасности не забывал. А ходить на обед пешком он приучил себя с самого начала службы. Хотя мог и на собственной машине. Автопредприятие списывало «уазик», он взял, восстановил, отличная машина получилась, но лучше пешком.

На перекрестке Курортного проспекта и улицы Кочубея находились автоматы газированной воды. Однажды Игнат остановился там попить водички, вдруг появились блатные, окружили его. Он тогда еще служил в Хабаровске, отпуск в Морячке проводил, схлестнулся с местной братвой, семь лет назад это было. Из той давней схватки он вышел победителем, об этом узнали наверху, через четыре года поступило предложение возглавить поселковое отделение. И вот уж три года как Игнат противостоит местному смотрящему с его воровской бандой. Воры не любят, когда их называют бандитами, обижаются, на самом деле считается, что это разные понятия. Но у Баштана именно банда. Потому что его уголовники ведут себя как бандиты — рэкет, вооруженные налеты, теневой бизнес данью обложили. И разбоем урки не брезгают, но в Морячке стараются не шалить.

У автоматов толпился народ, впрочем, Игнат и не думал останавливаться. Глянул, что в толпе порядок, и пошел дальше. Дома его ждал стакан холодного компота и сытный обед.

На улице Виноградной росла его мама, после школы она уехала учиться в Ростов, а тетя Вика осталась, Игнат гостил у нее каждое лето. И всерьез считал Морячок своей родиной. Тетя Вика вышла замуж за своего соседа, Егор Михайлович умер, завещав ей свой дом. А семь лет назад тети Вики не стало, ее убил другой сосед, воровской отморозок, некогда считавшийся другом Игната. Такая карусель тогда закрутилась, Игнат мог оказаться

на скамье подсудимых, но ничего, выкрутился, в Хабаровск вернулся победителем. Один свой дом тетя Вика завещала его маме, а другой самому Игнату. Очень хороший дом, дядя Егор строил его под запросы курортников, за счет которых сколько уже лет живет Виноградная улица, чуть ли не все девять расположенных на ней домов.

Дом и сейчас отдан на милость отдыхающих, Игнат пытался возражать, но мама и жена объединились против него, пришлось выбросить белый флаг. Тем более что дядя Егор в свое время позаботился о прекрасной летней кухне размером с маленький дом. Там Игнат сейчас и живет со своей семьей, он, Лена и дочь Люба. Лена знала, как умаслить свекровь, назвала дочь в честь нее, Игнат, конечно же, не возражал. Любе два года, Игнат души в ней не чаял. Шел домой, думал, как поднимет дочь на руки, поцелует, прижмет к себе. А потом уже и обед, и все остальное. Можно на море сбегать, окунуться, до пляжа всего ничего.

Он шел домой, думал о дочери, но в себя не уходил. И заметил Баштана, едва только тот вышел из магазина, расположенного сразу за торговыми автоматами. Заметил, бросил взгляд за спину и увидел в отдалении Подюгу, который шел за ним в кепке и солнцезащитных очках. Но только Подюгина и увидел, больше никого. Да и не дурак Баштан, чтобы окружать Игната со всех сторон. Это раньше вор чувствовал себя здесь хозяином положения, а сейчас капитан Жуков мог запросто надеть на него наручники. Если же Баштан обост-

рит ситуацию и жестко наедет на Игната, его примут другие.

Баштан повернул к Игнату, шел вор спокойно, неторопливо. Немолодой он, крупный, жидкие седые волосы, массивный морщинистый лоб, глубоко посаженные глаза, крепкий, с кривизной, нос, губ почти не видно, настолько они тонкие. Баштан пытался изображать аристократа, светлая летняя шляпа на нем, белая рубашка, бежевые, до бритвенной остроты наглаженные брюки, кремового цвета туфли. А в руках тросточка, хотя физической нужды он в ней не испытывал. Чисто понты.

Баштан вскинул брови, глядя на Игната, но взгляд удивления не выражал. Ждал он Игната, а вид, что случайно встретились, сделал на всякий случай, намеренно неубедительно. Как будто все равно, что подумает о нем начальник милиции.

— Погода хорошая, Илья Николаевич, — не здороваясь, сухо сказал Игнат.

— Кому как, — скривил губы смотрящий.

— Ну да, Тюльпан с Клешем как в бане парятся.

— Парятся.

— Пусть привыкают, в аду еще жарче будет.

— Никто не знает, как там, в аду. Может, холодно там, как в лютый мороз.

— На Колыме, — добавил Игнат.

— Скольких ты уже туда отправил?

— И Тюльпан там с Клешем будут.

— Перегибаешь палку, начальник. Квиток левый барыга, моя законная добыча.

— Законный вор, законная добыча... Это по твоему закону, Баштан. А мой закон — Уголовный кодекс, и я ничего не могу с этим поделать.

— А ты попробуй!

— А то что?

Игнат медленно качал головой, пристально глядя на Баштана. Да, у него семья, он уязвим, но не надо пугать. Может, и страшно ему, но со своего пути он точно не свернет, потому как упертый. И с законом у него не все ладно. Семье своей покровительство оказывает, закрывает глаза на не совсем законную аренду жилья, кустарное производство вина, которое организовал его отец. Вина много, сбыт налажен, деньги хорошие, а налоги платятся минимальные. Игнат добился, чтобы вся деятельность проходила через налоговую, но и отец хитрит, и мать, и жена, ну и теща. Не сажать же их... И с этой стороны Игнат уязвим, Баштан знает это его больное место, но пусть даже не пытается угрожать. Надо будет, Игнат примет наказание как должное, но шантаж не пройдет. А ответ обязательно последует. Тем более что Игнат получит право на удар ниже пояса.

— Завтра Квиток заберет заявление, — тихо, сквозь зубы проговорил Баштан. — Оговорил он моих ребят, но это не страшно. Если ты вовремя осознал свою ошибку.

— А что заявление? Это всего лишь последствие. Причины. А профилактика — работа по

недопущению причины. Ты меня понимаешь, Илья Николаевич?

Игнат, конечно же, старался держать банду Баштана если не под контролем, то хотя бы под присмотром. И осведомитель у него довольно-таки надежный имелся. Если очень захотеть, местному рэкету можно устроить кошмарную жизнь. Но Игнат облав и погромов не устраивает, за просто так никого не закрывает. Вся работа ведется по факту, натворил дел — получи.

— Да я-то понимаю. — Вор нахмурился, отчего его морщины углубились.

— Проккололись твои ребята. Страх потому что потеряли. А Квитко не тронь, я ведь за него как за себя спрошу.

— Устал я от тебя, начальник! — покачал головой Баштан.

— Вот и договорились, — усмехнулся Игнат. — Всего хорошего, Илья Николаевич! Особенно хороших встреч с законом. На плохие не нарывайтесь!

На этом разговор и закончился. Игнат понимал, что Баштан фактически сделал ему предупреждение, он даже воспринял его всерьез, но назад пути нет. Да и не станет Баштан беспределить. Его вполне устраивает, что против него играют по факту, а вот если начнут бить на опережение, да еще и ниже пояса, он завтра же окажется в следственном изоляторе. Тюрьма его, конечно же, не пугала, он калач тертый, но уж лучше вкус осетринки на воле, чем запах баланды за решеткой.

Глава 2

Дом большой, двухэтажный, три входа — один общий, два отдельных, каждый в свой номер. Лена так придумала для удобства отдыхающих, потребности которых с каждым годом растут. В стране расцветает новый НЭП, кооператоры, коммерсанты, брокеры, рэкетеры, элитные проститутки, все деловые, все при деньгах, все ведут себя как хозяева жизни. И жить хотят, как на «загнивающем Западе», забывая, что живут в Советском Союзе. Вернее, уже в независимой от него России. Ну, почти независимой.

Двор ухожен, садовые деревья, вместо огорода — виноградник. И летняя кухня в беседке, увитой виноградом, несколько столиков там — для отдыхающих. Лена организовала во дворе целое кафе, Игнат в принципе не против... Хотя, конечно, он против! Достала его эта толкотня во дворе, в доме, скорей бы мертвый сезон настал, когда от курортников остаются одни только воспоминания, увы, не совсем приятные.

За одним столиком семья, тощий муж и крупная жена лопают пюре с котлетами, запивая их белым домашним вином, а дети носятся по двору, конопатый паренек с барабаном налетел на Игната, едва не сбив с ног. Он, конечно, представитель закона, но в груди все равно поднялась злость. Дело не в самих детях, а в том, почему они здесь. Это не жизнь, когда родной дом превращен в гостиницу, да еще с полупансионом.

Но из-за кухни вышла Лена с Любонькой на одной руке. В другой яблоко, и сама жует, и дочке дает кусать. Располнела Лена после родов, но все равно хороша. Эти ясные, как солнечное небо, глаза, эти розовые щечки, пухлые губки. Сочная она, сладкая, а то, что располнела, так с Евгенией Максимовной тоже подобное было, во всяком случае, она так уверяет. Говорит, что даже следить за собой после родов перестала. Уж не для того ли, чтобы утешить Игната, говорит. Лена и в самом деле запустила себя, запросто может ходить по двору нерасчесанная, ненакрашенная, в халате. Времени ей на себя, говорит, не хватает, весь день как белка в колесе, и ребенок на ней, и уборка, и готовка. В принципе так оно и было. Да и не так уж и плохо, когда жена не нацелена на флирт с посторонними мужчинами. А еще лучше, когда ее такую любит муж. А Игнат Лену любил. И ценил. Хотя и готов был высказаться насчет опостылевших постояльцев. Но глянув на дочь, это чудо с ангельскими глазами, передумал и успокоился.

— Папка пришел! — белозубо улыбнулась Лена.

Она покорно дождалась, когда Игнат возьмет на руки дочь, расцелует ее. Только затем подставила под поцелуй свои губы. Вкус малины с запахом борща.

— Дядя приехал! — сказала вдруг Люба.

Игнат нахмурил брови. Какой он ей дядя? Но дочка подняла руку и показала за летнюю кухню.

Там, так же в тени виноградника, находился стол для своих.

— Там!

И действительно, за столом сидел Сашка, родной брат Лены и родной дядя Любы. Игнат видел этого парня только на фотографии. Двадцать семь лет парню, и выглядел примерно на эти годы. Кожа лица дубленая, ранние морщины на лбу, но взгляд молодой, улыбчивый и даже слегка наивный. Сашка, конечно, пытался изображать из себя важную персону, но Игнат знал, с кем имеет дело.

И первый раз Сашка попался по глупости, и второй — подхватил украденный сообщником чемодан, да нарвался на уголовный розыск. Его приняли, дали четыре года, но срок еще не вышел.

— Надеюсь, по условно-досрочному вышел? — спросил Игнат, внимательно глядя на шурина.

— А ты не в курсе, капитан? — скрывая удивление, спросил Шадров.

Он ел борщ, ложка в руке полная, но в рот ее отправлять он не спешил. Игнат ведь не абы кто, а начальник поселковой милиции, к тому же местные блатные от него совсем не в восторге. А Сашка к нему и на «ты», и запанибрата. Самому от этого неловко, но пыжится. Кусок, правда, в рот не лезет от волнения.

— Извини.

— А я думал, это ты похлопотал.

— С чего бы это? — удивленно повел бровью

Игнат.

— Ну, по-родственному.

— По-родственному я тебе совет могу дать. Завязывай ты со своими делами, да наглухо.

— Так это понятно.

— А я за тобой смотреть буду. По-родственному.

Лена подала на стол тарелку с борщом, махнула рукой, отгоняя от нее муху. Игнат повернулся к рукомоинику, который находился прямо за спиной.

— Ну, так я же по условке, — сказал Сашка, давая понять, что его положено держать под административным надзором.

Игнат вымыл руки, повернулся к нему.

— А будешь за мной следить, я тебя... Знаешь, как хирурги ангину лечат?

Лена подала полотенце, глядя на мужа и с усмешкой, и с просьбой о пощаде, мол, помягче с профилактикой.

— Да не собираюсь я за тобой следить! — мотнул головой Сашка.

— Я собираюсь следить. За тобой. Увижу рядом с кем-то из баштановских, гланды... удалю.

Игнат сел за стол, Лена подала чистую ложку, смахнула салфетку с корзинки для хлеба. И села рядом, положив мужу голову на плечо.

— Кстати, здравствуй, Саша! — сказал Игнат, с добродушной усмешкой глянув на шурина.

— Э-э, ну да... — замялся Шадров.

Игнат смотрел на него, не зная, как обращаться к нему. Освобожденный уголовник мог обращаться к нему «товарищ капитан», а беглый

зэк — «гражданин». Мало ли что сказал Сашка, может, и не «условка» у него вовсе.

— Справку покажи!

— А-а, справку!.. — Сашка полез в карман.

А Лена, убрав голову с плеча мужа, мягко, но с укором тронула Игната за руку:

— Эй, начальник! Видела я справку, нормально там все!..

Шадров расправил свой главный на сегодня документ, Игнат заглянул в справку и покачал головой:

— Ненормально. Почему на учет не встал?

— Так в трехдневный срок.

— Обедаешь и едешь в Геленджик. Сегодня вечером жду с отметкой. Вопросы?

— Вопросов нет, — ответила за брата Лена. — А обед остывает. Кушай давай!

Сашка посмотрел на Игната, перевел взгляд на сестру, задумался, взвешивая за и против.

— Я тогда прямо сейчас и пойду, — поднимаясь из-за стола, сказал он.

— Доешь и пойдешь, — кивнула Лена.

Она забрала пустую тарелку, повернулась, чтобы идти на кухню за вторым блюдом, но вдруг застыла как вкопанная. Игнат повернул к ней голову и чуть не поперхнулся, увидев Оксану в образе фотомодели с обложки модного журнала. Пепельно-светлые волосы в роскошном каре, утонченные брови, удлиненные ресницы, живой волнующий блеск губной помады, в ушах сапфиры под цвет глаз. Короткое приталенное платье

с открытыми плечами сверху подчеркивало изящность ключиц, а снизу — длину ног. А спокойная белозубая улыбка была неотразима. За три года Оксана изменилась почти до неузнаваемости. Уровень ее женского обаяния просто зашкаливал, у Игната вдруг онемели ноги. И щеки почему-то стали горячими.

— Какого черта? — Оксана потрясла и Лену.

С Оксаной Игнат познакомился семь лет назад. И он отпускник, и она свободная курортница, ничто не мешало им закрутить роман, но вдруг появилась Лия. И ничего с Оксаной у них тогда не вышло. Лию убили, только через четыре года Игнат смог вернуться к месту ее гибели. И то в качестве начальника поселковой милиции. Приехал, а Оксана здесь. И закрутилось, но не разогналось. Оксаной Игнат просто увлекся, а в Лену влюбился. Оксана обиделась и уехала, Игнат просто не верил, что когда-нибудь она вернется. Да и не ждал он этого, не грезил о ней. А Оксана взяла и вернулась. Надолго ли? Вдруг на часок, проездом... Игнат тотчас понял, что не хочет ее больше терять. Может, потому и вспыхнули щеки.

Улыбку сменила пренебрежительная гримаса. Оксана смерила Лену взглядом, мысленно усмехнулась и с легкой обидой и удивлением посмотрела на Игната: и как он мог променять ее на эту лахудру?

— На Фролову Оксану Семеновну номер бронировали, — сказала она, не очень стараясь казаться вежливой.

— И где Фролова Оксана Семеновна? — Лена уперла руки в бока, но тут же опустила их и в лице вытянулась.

Она знала Оксану Полуянову, более того, первый год своего бизнеса беспокойно следила за тем, чтобы никто под этим именем не забронировал номер. Потому успокоилась, но Полуянову ждала, чтобы ей отказать. Игнат, может, и не терял голову от Оксаны, но спал с ней, и Лена это знала. А соперниц она не терпела, особенно возле себя.

— Я Фролова.

Игнат кивнул. Фролова — девичья фамилия Оксаны. Три года назад она отдыхала здесь со своим мужем, молодым чудиком по имени Паша. Оксана уже тогда заявила, что жить с ним невозможно и она подает на развод. Поссорилась она тогда со своей половиной и вместе с Игнатом отправилась на дикий пляж к большому камню. Там все и случилось... А потом появились бандиты, в них стреляли. Но уже после того, как... Бандитов Игнат уже забыл, а большой камень вспомнился сразу, как только увидел Оксану в ее сексуальном платье.

— А Полуянова?

— Я рассталась и с мужем, и с его фамилией. Ты что-то имеешь против? — резко спросила Оксана.

Она ничуть не стеснялась собственной грубости, ничуть не робела, хотя Лене палец в рот не клади.

— Я имею против Фроловой Оксаны Семеновны! — напыжилась Лена. И снова подбоченилась.

— Перевод вы получили?

— Перевод я верну... — Лена повернулась к Игнату и строго посмотрела на него. — Деньги мы вам вернем!.. Так что скатертью дорога!

Лена резко повела рукой, как будто собиралась ударить Оксану. Но всего лишь указала ей на ворота. Оксана даже не вздрогнула, когда рука прошла в нескольких сантиметрах от ее лица. И с насмешкой смотрела на Лену, как будто точно знала, что ей ничего не будет. А если вдруг, то управа на хабалку всегда найдется.

— Скатерть на столе! А дорога в поле! Так что не гони, сестренка! — Сашка неторопливо поднялся из-за стола, подошел к Оксане.

Игнат видел, как Шадров тужится, пытаясь сдерживать свой восторг и даже вожделение, но это плохо у него получалось. Очень плохо. Робость перед красавицей не позволила ему даже коснуться ее плеча, но руку он, чтобы обнять Оксану, поднял.

— Давай, красавица, к нашему шалашу!

А ведь он мог прикоснуться к Оксане и даже обнять, но ее это ничуть, казалось, не пугало. И на Сашку она посмотрела смело и даже с легким кокетством. Хотя и без особого желания принимать его ухаживания. А его приглашение она не приняла.

— Спасибо, я не голодна, — сказала она. И, жестко посмотрев на Лену, добавила: — Мне нужно отдохнуть с дороги!

— Да, нам нужно отдохнуть с дороги! — сказал Сашка, подмигнув Лене.

Та посмотрела на него, на Оксану, перевела взгляд на Игната с его внешне безучастным видом. И приняла решение:

— Ну, хорошо...

Лена поймала пробегающую мимо Любу, подхватила дочку и с ней на руках направилась к дому. Сашка, обняв таки Оксану за плечи, повел ее следом за сестрой. И все втроем они скрылись из виду.

Игнат ждал, что, уходя, Оксана бросит на него взгляд, но нет, она не обернулась. Или, может, он просто не заметил, как она посмотрела на него, потому что задержал взгляд на ее формах, на тех, которые ниже талии? Вряд ли. Ноги у Оксаны, что называется, нет слов, но все же он заметил бы ее украдкой брошенный взгляд. Но не обернулась она. И Сашкину руку с плеча не сбросила.

Игнат постарался взять себя в руки, доел борщ, более того, сходил на кухню за вторым блюдом. Аппетит пропал, но пюре и котлету он себе положил. А когда вышел из кухни, то как будто случайно глянул на дом.

Он даже не знал, какой номер забронировала Фролова Оксана Семеновна, и мог только гадать, за какой дверью скрылась его жена с Оксаной и Сашкой. Мог только гадать, не зная, как поступить, садиться за стол или идти за ними. Но сел за стол и тут увидел Сашку, который показался из-за ближнего к воротам угла дома. Он шел от первого номера, вход в который можно было увидеть с улицы. Сашка открыл калитку, махнул кому-то

рукой и ушел. Один ушел, без Оксаны. А махнуть он мог Лене.

Игнат вернулся за стол, не успев доесть второе, как появилась Лена.

— Уф! — опуская Любу с рук на землю, выдохнула она.

— Что такое? — Игнат старался не смотреть на жену.

Не нравилось ему поведение супруги. И Оксане нагрубила, и дочку на руки взяла, чтобы подчеркнуть свой статус матери его, Игната, ребенка.

— Да Саше обломилось! — презрительно фыркнула Лена.

— В смысле?

— Это не та Оксана, которая была!.. Хотя о чем это я? Кто тебе в койку запрыгнул при живом-то муже?

— Что было, то было.

— Теперь у Сашки будет... Надо было ему резинку дать!.. — Лена так сильно шлепнула себя по бедрам, что даже поморщилась от боли.

— Зачем ты это говоришь? — Игнат сурово глянул на жену.

— А что такое? — вскинулась Лена, но сникла, глянув на его тарелку с остатками второго.

Она поняла, что Игнат ходил на кухню и мог видеть Сашку, которому не обломилось. Который сам обломался. Не далась ему Оксана.

— Надо было гнать ее поганой метлой! — снова всплеснула руками Лена.

— Хватит! — одернул ее Игнат, стараясь не выходить из себя.

— Что хватит? Ездят тут всякие, а я что, терпеть их должна?

Лена снова взяла на руки Любу, на этот раз она позировала перед Игнатом все в том же образе матери его ребенка. И он не имел права бросать ее ради «тут всяких», и Оксана должна была унять свой пыл.

— Не должна. Можешь выселить, — тихо сказал Игнат.

— И выселю!

— Всех!

— Всех?!

— Терпеть она не может! Я, что ли, развел этот курятник?..

— Так у всех тут курятники!

— Развели жлобство!..

— Ну все, хватит!

Лена осторожно глянула за угол кухни, увидела кого-то и нацепила на губы дежурную улыбку, настраиваясь на работу. Но прежде чем заняться посетителями, принесла стакан холодного компота — Игнату.

— Ну хватит! — потрепав его за волосы, попросила она. — Не злись.

И она ушла обслуживать постояльцев из соседнего «курятника», которым владела мама Игната. И где изготавливал вино его отец. Очень хорошее вино, Игнат с удовольствием осушил бы сейчас стаканчик, но нельзя: служба. А вечером, пожа-

луй, выпьет и спрячется в своей спальне, чтобы не поддаться искушению сходить на море к большому камню, на который когда-то опиралась Оксана. Мелкие камни под ногами им тогда совсем не мешали...

На море он мог отправиться и сейчас, днем, на обычный пляж, расположенный у подножия обрыва, на котором стояли все девять домов. Отправиться на камень, с которого удобно заходить в море. С этим камнем связано много воспоминаний. В том числе и эпизоды не без участия Оксаны. С Лией они у камня купались, напали блатные, Игнат отбился, отобрал у них ножи. Оксана и видела все, и кровь с пореза на спине морской водой смыла... Тогда у него была Лия, сейчас Лена. А Оксана снова рядом. И снова лишняя. Но что-то не хочется, чтобы она уезжала.

Но и на пляж Игнат не пойдет. Вдруг Оксана увяжется за ним. Вдруг на ней чересчур уж смелый купальник, едва прикрывающий грудь и все остальное. А на Оксане мог быть именно такой купальник. Девушка она смелая. И уже совершенно не стеснительная. Изменилась она. Очень изменилась. И вряд ли в лучшую сторону. В моральном плане. Но зачем Игнату ее мораль, если она всего лишь приехала отдохнуть? Общественный порядок она нарушать точно не станет... хотя все возможно. Из-за такой женщины мужчины теряют головы, может завязаться драка. Из-за такой женщины голову мог потерять и сам Игнат...

— Об этой думаешь? — вдруг спросила Лена.

Игнат удивленно глянул на нее. Она же вроде уходила и вдруг снова оказалась рядом с ним. Задумался он, ушел в себя и не заметил, как Лена вернулась. И компот недопитый стоит.

— Да нет, что-то не по себе. — Игнат поправил расстегнутый ворот форменной рубашки. — Может, перегрелся?

— И давно это с тобой? — фыркнула Лена, кивком указав на дом, где сейчас находилась Оксана.

— Да нет... Домой шел, Баштана встретил.

Игнат не собирался говорить о встрече с воровом, но пришлось, чтобы соскользнуть с более неудобной темы.

— Баштана?

— Не нравятся ему методы. Против Кости Сапрыкина.

— Против какого Кости? А-а!..

— Брату скажи, чтобы держался от него подальше. Не надо ему с воровскими.

— Так а я о чем? У мамы будет работать. А я за ним присмотрю.

— И сама будь осторожна.

— Мне что-то угрожает?.. Или ты меня в чем-то подозреваешь? — нахмурилась Лена.

Игнат мог ее подозревать. Баштан когда-то очень помог Сашке, и Евгения Максимовна его за это отблагодарила. Возможно, Игнат ошибался, но Евгения Максимовна точно водилась с блатными. Да и Лена не совсем ангел в этом плане. Работала в санатории официанткой, зналась с Квасей, даже

помогла заманить ему Игната в западню. Правда, в ловушке оказался сам блатарь. Но ведь было... По «малинам» Лена не таскалась, воровскую жизнь не вела, но приבלатненным душком от нее отдавало. И все же Игната угораздило влюбиться в нее.

— Баштан очень серьезный человек. Ошибок он не прощает.

— Чьих ошибок? — напирала Лена.

— И твоих тоже. — Игнат посмотрел ей прямо в глаза.

Лена давно уже не та, что прежде, но и Баштан ей не совсем чужой. Могла и сболтнуть ему что-то лишнее при встрече, но чтобы стучать на мужа по его заданию, это вряд ли. Хотя все возможно, жизнь, она такая.

— Что-то я не поняла, ты поссориться хочешь? — взъерошилась Лена.

— Зачем?

— Да затем!.. — Она снова кивком указала в ту сторону, где находилась Оксана. — Вот скажи, какого хрена она приперлась! Да еще одна!

— Сашку твоего развлекать, — усмехнулся Игнат.

— Сашку... Думаешь, я не знаю, как эта сучка за тобой бегала!

— Все, закрыли тему!

Игнат поднялся, оправил рубашку, допил компот, поцеловал жену, дочь и пошел к воротам. Лена, подхватив дочь на руки, пошла за ним, а навстречу им из дома вышла пара, муж и жена. И оба шли в кафе. Лена мило улыбнулась им, но с пути не свернула.

— Садитесь, пожалуйста! Я мигом!

Игнат уже понял, в каком номере расположилась Оксана, и с трудом удержался, чтобы не глянуть на окно, из которого она могла сейчас наблюдать за ним. И, уходя, снова поцеловал жену и дочь. Пусть Оксана знает, что у него семья и счастье в личной жизни.

Глава 3

Слабый хребет под сильным давлением быстро ломается. Но Квитко хотя бы имел хребет. А сколько беспозвоночных покорно сносят бандитский беспредел?

— Хорошо подумал? — спросил Игнат, рассматривая мужчину.

Слицом вроде бы все в порядке, ни синяков, ни ссадин. И в кабинет Квитко входил нормальной походкой, не хромал, за бок не держался, не кривился. Не похоже, что у него болят кости и внутренности.

— А что думать? Оговорил мужиков! — вздохнул горе-коммерсант.

— А может, себя оговорил?

— Да нет.

— Били?

— Нет!

— Точно нет?

— Пальцем не тронули.

— Угрожали?

— Дочка у меня... — вздохнул Квитко. — Пятнадцать лет... Пропала дочка.

— С этого и надо было начинать!

— Так нашлась. Сразу же и нашлась... Подъехали двое, в машину посадили, весь день катали. А вечером домой привезли. И на руки мне сдали. Смотри, сказали, в следующий раз не привезем.

— Понятно.

Семья — большое место любого мужчины, на эту мозоль Баштан и надавил. А защитить Квитко Игнат не мог, на Западе, в той же Америке, специальная программа защиты свидетелей предусмотрена, а в Союзе... Да и нет уже Союза как такового, шесть республик уже объявили о независимости, и ничего, никакой реакции. Даже Россия, и та уже не подчиняется законам СССР. Полный бардак в стране, и никто, ничего. А гражданин Квитко даже не пешка, он всего лишь песчинка в море. Никому до него дела нет.

— Честно же все рассказал!

— Бизнес не закрывают? — спросил Игнат.

— Э-э, так сам по себе закрываюсь. — Квитко глянул в окно, чтобы не встретиться с Игнатом взглядом.

— Ну, хорошо...

— Что хорошего?

Не закрывался Квитко, дальше шлепки делать будет. И черт с ним. Не станет Игнат его трогать. Пусть работает, пусть бандитам платит. А поселковой милиции пора начать работу на опережение. Установить слежку за тем же Тюльпаном, поймать его на чем-нибудь горячем и снова за решетку. И не важно, будет заявление потерпевшего или нет.

— А то, что заявление подали... В следующий раз без заявления приходите. Или звоните.

— Когда это в следующий раз?

— Если вдруг дочка пропадет или дом сгорит.

— Как это пропадет? Обещали же!..

— Кто обещал?

— Ну, я не могу сказать!

— Те, которые на воле, обещали, а те, которые деньги вымогали, в СИЗО сейчас маринуются. Тюльпан, Клеш. Их придется выпускать. А они сейчас злые, как бы на вашей дочери не отыгрались... Только не подумайте, что я вас пугаю и отговариваю. Спасибо вам за вашу гражданскую позицию, спасибо, что не побоялись против бандитов пойти. Ну испугались за дочь, все правильно, за детей нужно бояться. Но если вдруг, звоните, приходите. Сделаем все, что в наших силах.

Игнат отпустил Квитко, позвонил следователю, который вел его дело. Впрочем, Селиверстов расстроился не особо. Баштан ведь и в Геленджике имел большой вес, и не шупальца у него там, а руки загибающие. Опасно связываться с ним и его братвой, все это понимали. Но дело свое делали, хотя и без особого энтузиазма. А пора брать инициативу в свои руки.

Игнат задумался. А нужно ли ему это? Баштана все равно не переделать, пока в стране бардак, он и дальше будет обирать народ. А если его очень разозлить, он и за нож может взяться и воткнуть его Игнату в спину. Или на его семье отыграться.

Может, не стоит будить лихо? Тем более что Игнат уже продемонстрировал свою решимость и силу закона. Почти две недели Тюльпан с Клешем провели за решеткой, какой-никакой, а срок, наказание. Того же Квитко пальцем никто не тронул. И дочь его всего лишь прокатали на машине. На психику давили, а не на печень и прочие органы. Не рискнул Баштан обострять отношения. Может, Игнату тоже не стоит лезть к черту на рога?

В дверь постучали, показался лейтенант Чабанов.

— Товарищ капитан, рабочий день уже заканчивается, — глянув на часы, загадочно улыбнулся он.

День рождения у Чабанова, двадцать девять лет исполнилось. Игнат помнил его еще младшим лейтенантом. Из отпуска он по семейным обстоятельствам вернулся, тещу со сломанной ногой домой отвозил. Долговязый, остроносый, волосы как солома, такие же светлые, сухие и ломкие. И уши оттопыренные, оттого и фуражка на голове смотрелась смешно. Если бы не уши, фуражка налезла бы на глаза. Сейчас фуражка строго по размеру, а в целом Виталий мало изменился. Такой же долговязый, и волосы как солома.

Игнат уже поздравил опера сегодня утром и не обратил внимания на его загадочные намеки. Сделал вид, что не заметил. Хотя и знал, что вечером будет фуршет. Понятное дело, с распитием. Обычно в таких застольях участия Игнат не принимал и сегодня собирался отказаться. Чабанов это знал, но ради приличия зашел, пригласил.

— Через пять минут буду!

А Игнат взял и не отказался. Прихватив трехлитровую в оплетке бутылку с мускатным вином, переместился в соседний кабинет.

...Домой он возвращался поздно, одетым в штатское, чтобы не смущать прохожих запахом перегара. На ногах он держался довольно крепко, но коньяком от него пахло хорошо. А как по-другому? Начальник должен брать на себя то, что потяжелее, а подчиненным — вино, оно полегче.

Но патруль узнал его и в штатском. Старшина Замков и сержант Самолов оба торопились в отделение, вдруг там на столе еще что-то осталось. Оба отдали Игнату честь, и он поднес правую руку к голове, но только для того, чтобы показать им кулак. По стопке выпить можно, но не больше. А если вдруг, Игнат всегда может пройти по маршрутам и проверить, как патрульные несут службу. Да и люди все видят, кто-то промолчит, а кто-то нет.

Замков и Самолов прошли мимо, и взгляду открылась парочка, которая скрывалась за их спинами. Игнат едва не остановился, увидев Оксану. Она шла под ручку с высоким брюнетом в дорогой шелковой рубашке. Волосы у девушки уложены, матовые тени вокруг глаз, губы призывно блестят, облегающее с блестками платье такое короткое. И босоножки на высоченном каблуке.

И у брюнета волосы... на груди. Три пуговицы сверху растегнуты, жарко ему. Или Оксану своей волосатой грудью соблазняет? Но в то же время,

что ему остается делать, когда голова плешивая. Лысина в свете фонаря блестит, как и его лакированные туфли.

Игнат усмехнулся, глядя на мужчину. А ведь он узнал этого типа. Ставридис его фамилия, кличка Ставрида. Дружок Анастаса, тоже грек, как и он. Но если Анастас мужчина серьезный, то Ставридис его полная противоположность. Большого роста мелкий проходимец. Пару раз привлекался за тунеядство, под нажимом быстро находил работу, но так же скоро ее терял. В последнее время занимался коммерцией. Челночил, ездил в Турцию, в Румынию мотался, в Новороссийске шмотками приторговывал, Игнат не знал, насколько успешно шли его дела, но цепь у него на шее золотая, звенья крупные. Но возможно, это латунь в позолоте. И с виду солидные часы на руке могли оказаться дешевой подделкой.

На Ставридиса Игнат глянул мельком и снова переключился на Оксану. Время уже позднее, половина десятого, а она дама свободная, познакомилась с кавалером, посидела с ним в кафе где-нибудь на набережной и домой. Только вот не он провожал ее, а наоборот. Прошли они улицу Кочубея, вверх по Курортному проспекту, идут домой к brunetu продолжать начатое. Как только скроются от посторонних глаз, так и продолжат. Платье на Оксане короткое, даже подол задирать не надо. Нагнулась слегка... А она может. Ну а Ставрида своего не упустит.

— Стоять! — Игнат ткнул пальцем в bruneta.

Тот улыбнулся, взял под воображаемый козырек.

— Ставридис!

— Так точно!

— Обидишь Оксану, я тебе глаз выкручу. Сказать откуда?

Дождаться ответа он не стал и, еще раз окинув Оксану взглядом, продолжил на одеревенелых ногах путь. Чувствовал себя Игнат оплеванным. Он-то думал, что Оксана к нему приехала, не зря же она Сашку отшила. А оказывается, Сашка всего лишь рылом для нее не вышел. А Ставридис, надо отдать ему должное, весь из себя. На второй день Оксана и снялась. А может, и на первый. Вчера Игнат вернулся домой поздно, свет в ее окнах не горел. Лена сказала, что Оксана ушла гулять, но Игнат ей не поверил. Подумал, что устала с дороги, спать пораньше легла. Заставил себя так думать. В то время как Оксана уже, возможно, изучала особенности волосяного покрова на теле замороженного казановы.

Ну и черт с ней, если так! Игнат махнул рукой и продолжил путь.

Дом не спал, в кафе у летней кухни играла музыка, одна парочка сидит, другая танцует, на столе вино, все как положено. Со сбытом у отца все в порядке. Но Игната это сейчас почему-то не раздражало. Сейчас его мог злить только Ставридис. И Оксана вместе с ним.

Лена подошла к нему без Любы, но глянула на свою руку так, как будто держала на ней ребенка.

— А папочка наш солдат... Э-э, поддат! — сказала она, будто обращаясь к дочке.